



## КНИГА ГЕНЕРАЛА

Ночь широко расплескалась по небу, и где-то там в ней протекала чья-то жизнь. Там, далеко. Здесь я была одна.

Я придвинулась поближе к костру. Ветер трепал слабое пламя. Люди говорят, ветер живой, он сворачивается кольцами между звезд, как гигантская змея. Кто я такая, чтобы говорить, что это ложь? Проведи столько времени здесь — начнешь слышать, как ветер разговаривает. Непрекращающееся еле различимое бормотание, которое началось за тысячу лет до моего рождения. Незнакомый язык, на который никто не обращает внимания, хотя достаточно одного его слова, чтобы стереть нас всех в порошок.

Порыв ветра плюнул мне в лицо несколько песчинок. Я закрыла глаза; прячась от ветра, от яркого пламени, от пустоты вокруг, зная, что надо бы поспать, но страшись того, что могу увидеть во сне.

Мысли опять раскручивались, как маховик. Чем глубже я уходила в себя, тем сильнее они бурлили в черепной коробке, лезли

наружу, цеплялись за каждую мелочь. Было бы величайшей неосторожностью снова привлечь их до того, как я попаду в Красный Лоб. Только короткий визит. Никаких сомнений, никаких вопросов, только да или нет. Только покупки, выпивка и обратно. Опять.

Я вздрогнула и натянула шарф повыше, под самую шляпу. Иногда я жалела о своих пышных вьющихся волосах, с ними не мерзли бы так голова и уши. Я нащупала сумку на бедре. Она была уже почти пустая. Шарик внутри холодны, и осталось их совсем чуть. Если дела будут идти так же плохо, скоро я останусь совсем без них, где-то вдали от всех. Тогда останется только упасть на песок и уже не пытаться поднять голову.

Шарик глухо стукнулся об зубы, когда я сунула его в рот. Звук треснувшего стекла остановил ручеек мыслей, утекающих куда-то в ночь. Я почувствовала, как резко повысился мышечный тонус, стоило стеклу раствориться в слюне и кислороду побежать по артериям. Воздух здесь, на Фактусе, разреженный, едва цепляется за поверхность планеты. Шарика недостаточно, это не похоже на вдох полной грудью из баллона на спине, но — хоть что-то. Что это за звук? Я напрягла слух, но ничего не могла услышать из-за потрескивающего костра. Показалось.

Я вытащила из сумки блокнот. Обложка уже порвалась, да и пустых страниц осталось

немного, но приходилось пользоваться этим. Я придвинулась поближе к огню, вытащила огрызок карандаша из переплета и нашла свободный кусочек страницы.

«Хафса Геллам», — написала я, подведя черту под именем. «Ребенок Геллам», — написала я ниже, снова отчеркнула и продолжила: «Ребенок ребенка». Так я вообразила четыре несуществующих поколения, пока не уперлась в краешек страницы.

Потенциально восемь спасенных жизней. *Если* дочка Хафсы выжила, если она выросла и тоже родила ребенка, ну и так далее. Жизнь в городках нелегка и стоит дешево, но Хафса сильная женщина, да и ее дочь выглядела здоровой, когда мы распрощались... Я зажмурилась. Считается ли спасение одной жизни спасением следующих? Имею ли право записать восемь жизней на свой счет? Все равно это лишь капли в океане.

Открыв глаза, я сразу почувствовала, что не одна, и вгляделась в темноту за костром. Что-то там было.

Это явились *они*.

Я не видела их, но чувствовала. Волоски на руках встали дыбом, нервы напряглись словно стальные струны. *Они* окружили меня.

— Что вам надо? — прошептала я.

Завыл ветер. Он вытягивал шершавый язык, вылизывая влагу из глаз, ластился, словно кот. Но это лишь ветер. *Они* не шевелились.

— Что вам надо? — переспросила я.

Разговаривать бесполезно, я знала. Они не слышат моих слов. Даже неясно, пользуются ли они словами. Слова — это кожа, которая не дает вырваться страху, сидящему глубоко в кишках. А у них нет ни тел, ни страха.

Не знаю, поняли они меня или нет, но в воздухе что-то изменилось: они подступили ближе, и сердце забилося в бешеном темпе. Они перехватили мои чувства и, растягивая их за пределы возможного, потянули куда-то на восток, где ждало нечто — нечто горячее, острое, требующее немедленного внимания.

Сознание немедленно восстало и катапультировало меня обратно, в тело. В голове осталась лишь мешанина образов: холодный металл, рвущий плоть, боль на крыльях черных птиц, окровавленная фигура...

Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на земле, шляпа скатилась с головы. В темноте за костром — никого, голая пустая ночь. Ушли *они*? Невозможно понять. Они никогда по-настоящему не уходили, потому что их никогда по-настоящему не было рядом.

Но уйдя, они оставили твердую убежденность: там, на востоке, за плато, меня что-то ждет. Я подняла голову к небу и успела увидеть объятый ярким пламенем корабль, падающий на землю.

\*\*\*

Остаток ночи ушел на то, чтобы добраться до места крушения. Зарево пожара окрасило горизонт в цвет свежеразделанного мяса. Я выжимала из мула все, но машина вяло переваливалась с дюны на дюну и не держала курс из-за порывов ветра, скрипя от песка в механизмах. Когда наконец пахнуло горелым, ночь уже отступала, а ветер слабел, уходя вслед за темнотой в другое полушарие.

За свою жизнь я повидала множество кораблекрушений, но такого еще не видела: корабль сгорел полностью, дотла, яростное пламя превратило песок в стекло. Невозможно было определить, как он выглядел и сколько душ встретило на нем столь яркий и жестокий конец. Когда колеса захрустели по обломкам, я остановилась, пытаясь обнаружить хоть какой-то признак жизни. Нельзя здесь задерживаться надолго. Зарево неминуемо привлечет падальщиков вроде Ловцов уже в ближайшие пару часов. Я пнула ботинком оплавленную землю. Откуда здесь вообще взялся этот корабль? На сотни миль вокруг ни одного порта, только разбросанные по Пустошам поселки. Ошибка навигации? Я взглянула вверх, в сереющее небо. Откуда он падал? Спешившись, я подошла к краю кратера и глянула вниз. Жар опалил лицо. Искать что-то здесь бесполезно, одни почерневшие обломки.

Я пошла прочь, но меня вдруг рвануло на восток, кишки словно скрутило. Снова стремительно накатили отрывочные видения: кровь из горла, черные птицы, холодный металл... *Они* явно не закончили со мной.

Сплюнув, я выпрямилась и направилась точно на восток, навстречу поднимающемуся солнцу.

Заря в Пустошах удивительно красива, но за такие виды нужно платить высокую цену: постоянные голод, холод, одиночество и подступающее безумие. Немногие готовы ее платить.

Я оплатила эти рассветы, оплатила многократно, но сейчас, когда на небе, как чернила на шелковой бумаге, распускались краски, не обращала внимания на эту дикую красоту. Под ногами тянулась глубокая борозда, в конце которой у покореженных остатков эвакомодуля на песке лежали две неподвижные фигуры.

\*\*\*

Те несколько секунд, которые понадобились, чтобы подойти к телам, я пыталась бороться, заставить себя развернуться и побежать обратно к мулу, закутаться поплотнее и ехать куда глаза глядят, оставив выживших умирать здесь. Все втуне. *Они* знали, что я так не поступлю, знали, что приму решение сразу, только увидев тела.

Подойдя поближе, я замедлила шаг и положила руку на висящий на поясе нож. Банды

вроде Ловцов частенько используют тела в качестве приманки.

Матово-серебристый упавший эвакомодуль выглядел новым. Никаких эмблем или маркировки, невозможно понять, откуда он взялся. Обычное дело: со времен войны с эвакуационных модулей стирают маркировку на случай, если занесет на вражескую территорию.

Внутри не было никакого движения, только от разбитой обшивки тонкими струйками еще поднимался дым. Сжимая рукой нож, я подошла к телам. Они лежали в обнимку, засыпанные песком, так что сложно было различить, где кончается одна фигура и начинается другая. Маленькая в объятиях большой. Я пнула большую носком ботинка, не увидела реакции и, сняв рукавицу, просунула ладонь сквозь разбитое стекло шлема.

Лицо казалось холодным, но прощупывался слабый пульс. У второго шлем был чуть приподнят, и я протиснула пальцы в щель к горлу. Кожа теплее, и пульс сильнее. Объятия напарника смогли его защитить.

Я стряхнула с костюмов песок в поисках каких-нибудь знаков отличия, но их не обнаружилось. И выругала себя за то, что оставила мула со скудной аптечкой на другой стороне кратера. Без нее здесь делать нечего.

Большой был массивный, мускулистый, не меньше двух метров. Мне с трудом удалось оттащить его от маленького. Из-под разбитого



шлема раздался вздох. Не обращая внимания, я ворочала второго, чтобы тому стало легче дышать.

Коснувшись костюма, я поняла, что внутри кто-то совсем маленький и хрупкий. Большой, несомненно, взрослый, неужели это ребенок?

Проклиная все на свете, стала снимать шлем. Ребенок — даст ли мне это что-то для пополнения счета? Отогнав эти мысли, я стянула с него шлем.

Спутанные черные волосы и маленькое личико, серое от кровопотери и покрытое коркой запекшейся крови и песка. Судорожно ошупав голову в поисках ран, я нашла слабо кровоточащий порез несколько сантиметров длиной и выдохнула. Если это единственное ранение, то жизнь вне опасности, если ребенок придет в сознание.

Наклонившись, я взяла ребенка подмышки, но внезапный удар по ребрам опрокинул меня на землю. Отплевываясь, я покатила по земле, судорожно пытаюсь достать нож и проклиная себя за беспечность, но новых ударов не последовало.

Ни ударов, ни выскакивающих из нор охотников, ни приближающейся техники. На меня смотрела только пара красных глаз. Мужчина очнулся.

Он попытался что-то сказать, глядя на мой нож, перевел взгляд на ребенка... Попытался встать, но снова рухнул, захрипев от боли.

— Спокойно, — произнесла я. — Спокойно, я медик.

Он обжег меня взглядом.

— Тронешь ее, — прошипел он, — ты труп.

Он сейчас был не в том состоянии, чтобы угрожать, но я медленно кивнула.

— Мне нужно принести аптечку, — объяснила я. — Медикаменты в багажнике на муле. Я могу обработать вас обоих.

— Где? — спросил он, когда я стала уходить. — Где мы?

Я повернула голову:

— Пустоши. К северу от Красного Лба.

Он нахмурился и посмотрел вверх, на небо, где утреннее буйство красок почти сменилось ровным белым жаром.

— Где это? — переспросил он.

Я проследила за его взглядом. Он потерпел крушение настолько далеко, что даже не знает, на какой планете находится? Вверху я почувствовала *их* — незримое присутствие на фоне дальних звезд.

— Фактус, — ответила я. — Мы на Фактусе.

\*\*\*

Когда я вернулась на муле, разбрасывая вокруг песок, солнце уже вставало из-за горизонта. Через пару часов станет уже слишком жарко, чтобы куда-то ехать. С этим ничего не поделаешь, это игра случайностей: надо обработать

раны, сделать перевязку, спасти жизни. Счет требует своего.

Мужчина следил за тем, как я снимаю брезент с багажника мула. Он пришел в сознание, но это еще не означало, что он выживет. Ко многим ясность ума возвращается перед самым концом. Когда-то, много лет назад, я читала про леса на Земле, где деревья, почувствовав близость смерти, отдают все свои жизненные соки через корневую систему другим деревьям. Так же, видимо, поступил и этот незнакомец, спасая жизнь ребенка. Так тому и быть. Одна спасенная жизнь — лучше, чем ни одной.

Я торопливо растянула брезент между мулом и обломками, не спуская глаз с ребенка, который так и не приходил в сознание.

— Ты, — прохрипел мужчина. — Женщина. Как зовут?

— Хафса Геллам, — соврала я, привязывая брезент.

Я чувствовала, как он внимательно рассматривает мое сожженное солнцем лицо, полу-скрытое шарфом, короткую стрижку, старую куртку, обветренные руки.

— На чьей стороне?

Я открыла аптечку и удрученно взглянула на плачевное состояние своих запасов. Все никак не могла заставить себя заехать на торговый пост, и вот результат: два помятых рулона бинта, бутылка обеззараживающей жидкости, несколько ампул с анальгетиком и транквилизатором,

да всякая мелочь типа шприцов, игл и хирургической нити.

— Какая разница? — поинтересовалась я. — Война давно окончена.

— Чья сторона?

— Я не воевала.

— Все воевали.

— Не здесь.

Он хмыкнул, будто говоря: «Не удивительно». Когда я достала из аптечки бинт, он снова напрягся. Бинты были с черного рынка, украденные из партии медикаментов для Южной Армии Первого Соглашения. Незнакомец разглядел сдвоенные желтые треугольники на упаковке и немного расслабился.

Этим он себя выдал. Конечно, надо проверить наверняка, и это можно сделать очень просто. Я расстегнула и стянула с него разбитый шлем.

Мужчина вздохнул с облегчением, а на виске оказалась такая же пиктограмма, что и на бинтах: выцветшая татуировка со сдвоенными треугольниками и толстая черта под ними. Лейтенант, значит. Или же — я бросила взгляд в сторону остатков корабля, пока расстегивала его костюм, — перебежчик?

— Нет, — он отбросил мои руки. — Ее.

— У тебя тяжелее ранения.

Его лицо уже приобрело землистый оттенок, но он выставил ладонь и твердо сказал:

— Сначала она.

Я пожала плечами. Кем бы он ни был и что бы тут ни делал, скорее всего, мне ничем ему не помочь, разве что немного облегчить последние часы. Так или иначе, надо спешить. Даже в таких пустынных с виду местах у Ловцов есть дозорные, и скоро они здесь появятся, невзирая на жару.

Без костюма девочка выглядела гораздо меньше — лет на двенадцать или тринадцать. В бежевом термобелье, вроде пижамы, пропитавшемся кровью у воротника, с дырой на локте и пятнами машинного масла. Может быть, она спала, когда подали сигнал тревоги, и этот человек затащил ее в эвакуомодуль?

Возможно, он ее отец, хотя и не похоже. Кто же тогда, телохранитель? Похититель? Так или иначе, они не с пограничных лун и не с Делоса. Они выглядят слишком здоровыми для этого. Современный эвакуомодуль и новехонькие костюмы сами по себе уже говорят о богатстве.

Прощупав конечности девочки через пижаму, я убедилась, что все цело, ни одного перелома. Корка крови на лице, по всей видимости, образовалась лишь из-за раны на черепе, рваной, но довольно неглубокой. Я быстро промыла порез и начала его зашивать, насколько это возможно без бритья головы, надеясь успеть, пока она не пришла в сознание. Когда я наложила последний шов, она пошевелилась и стиснула зубы, но не открыла глаз.

Мужчина все это время не проронил ни слова, лишь внимательно глядел на лицо девочки. Вернувшись к нему, я поняла, какой ценой далась ему эта сосредоточенность. Последние следы румянца исчезли, и лицо стало абсолютно белым, бескровным. Расстегнув его костюм, я поняла, что он умирает.

Его белый воинский тельник пропитался кровью. Рубиновая струйка пульсировала между ребер. Там, глубоко закопавшись в плоть, застрял металлический осколок. Наверное, в момент удара он повернулся на бок и закрыл собой ребенка.

— Брось, — прохрипел он, когда я коснулась кончика торчащего из него осколка. В горле у него булькало. — Знаю, что все плохо.

Я кивнула. Глупо врать в такой ситуации.

Он нашел глазами мои глаза.

— Она выживет?

— Если придет в сознание, если не поврежден мозг и если в рану не попала инфекция...

Он схватил меня за рукав окровавленными пальцами:

— Она не должна умереть, — он из последних сил приподнялся. — Сделаешь с ней что — они тебя найдут. Поплатишься жизнью.

— Ничего я ей не сделаю. — Я разжала его пальцы и высвободила рукав. — Говорю же, я медик. Слово даю.

Минуту он собирался с силами, тяжело дыша. Пахло спекшейся кровью и обгорелой плотью.

— Ближайший город?

— Красный Лоб. День пути. Шахтерский городок.

— Согласие... контролирует его?

Я грустно рассмеялась.

— Им так кажется.

Он откинулся на спину.

— Вези ее туда. Найди связь. Она знает, что делать. Она должна...

Я услышала неясный шум и остановила его движением руки. Издалека, будто приближаясь, доносилось гудение. Едва различимый рев перегруженного двигателя. Я выругалась и вскочила на ноги.

— Что? — растерянно спросил мужчина, наблюдая, как я срываю брезент и складываю его на мула.

— Ловцы, — коротко бросила я в ответ, сгребая медикаменты обратно в аптечку. — Стервятники, уже мчатся сюда.

— Ловцы? — просипел мужчина. — Это бандиты?

— Скорее секта.

В его глазах появился огонек надежды. Он, конечно, думал, что даже с сектантами можно как-то договориться, сторговаться.

— Забудь, — обрубил я. — Они отмороженные. Они вас обоих убьют, вытащат органы и очистят кости от мяса, и не ручаюсь за точный порядок действий.